

Молитвенная лирика русских поэтов XIX — начала XX в. и проблема имяславия

Молитвенная лирика XIX в. находится в тесном диалоге со святоотеческой традицией, но в то же время отражает природу эстетических экспериментов. В данной работе речь идет преимущественно о стихотворениях, воссоздающих ситуацию просительного обращения к высшему божественному началу (большинство из них представлено в нашей антологии: Русская стихотворная молитва XIX в. Томск, 2000). Ключевыми архитектурными элементами подобных текстов являются обращение к Богу, Богородице, ангелу-хранителю и молитвенная просьба, которая может дополняться благодарственными мотивами. Таким образом, сакральное имя, включенное в контекст художественного события, несет особую смысловую нагрузку. Апеллируя к святоотеческому учению об имени Божьем (Дионисий Ареополит, Иоанн Лествичник) и к философскому имяславью (Платон, А.Ф. Лосев, о. Павел Флоренский, о. Сергей Булгаков), возможно установить онтологию сакрального имени в процессе воссоздания молитвенного дискурса русской поэзии XIX — начала XX вв.

Прежде всего необходимо отметить, что молитвенная лирика XIX в. ориентирована на литургический цикл. Суточный богослужебный круг воссоздается в системе вечерне-ночных молитв (например, «Вечерняя молитва» В. Кюхельбекера, «Вечерняя песнь» А. Хомякова, «Полночная молитва» Ю. Жадовской, «На сон грядущий» Н. Огарева) и молитв утренне-дневных («Утренняя молитва», «Солнцу» Н. Щербины, а также «Пошли, Господь, свою отраду...» Ф. Тютчева, «Час молитвы» Н. Некрасова и др.). Продолжение этой традиции очевидно, например, в цикле А. Блока «Молитвы», куда входят «Утренняя», «Вечерняя», две «Ночные». Великопостные мотивы звучат в литературных осмыслениях канонических текстов: переложение молитвы Ефрема Сирина: «Отцы пустынножители и жены непорочны...» А. Пушкина и переложение великопостного гимна «Чертог Твой вижду, Спасе мой» Ф. Тютчева и П. Вяземского. Упомянем также поэтическую традицию воссоздания ситуации Гефсиманских молений («Моление о чаше Н. Никитина, А. Апухтина) и переложения основной христианской молитвы «Отче наш» (В. Жуковский, В. Кюхельбекер, А. Фет, Н. Добролюбов, К. Фофанов и др.).

Постоянный напряженный диалог русских поэтов с ритуальной стороной молитвословия и со святоотеческими традициями позволяет поставить вопрос об онтологизации сакрального имени в поэтических текстах, воссоздающих ситуацию богообщения. В лирике XIX в. проявлены основные поэтические ситуации, которые будут осмыслены на новом витке поэтами XX в. Русская стихотворная молитва осваивает следующие приемы: игровая подмена сакрального имени

и эстетизация молитвенного события, умолчание молитвенного имени, молитвенное имявоплощение. Последний случай наиболее органично реализуется в процессе воссоздания религиозного дискурса в поэтическом произведении. Для XIX в. эта ситуация оказалась вполне органичной, формируя классические образцы молитвенной лирики. Новый тип сакрального диалога в лирике начала следующего столетия связан с появлением молитв, обращенных, например, к святым-покровителям («Моление св. Вячеславу» <1917> Вяч. Иванова), что становится одной из составляющих авторского мифа имявоплощения. В начале XX в. на волне имяславских споров, зародившихся на Афоне, особо выделяется стихотворение О. Мандельштама «И поныне на Афоне...» (1915), в котором ключевым мотивом становится мотив «поющего Божьего имени». Новая эстетика подготовила почву для осмысления самой идеи имени и именования, а не называния. Случай реализации молитвенного дискурса через аллюзию на молитву «Отче наш» проявлен в первом стихотворении цикла «Стихи к Блоку» М. Цветаевой (1916). Рефренная анафора «Имя твое» в случае соблюдения внутренней рифмы, подчеркнутой графически – знаком тире, интонационно – паузой-цезурой («Имя твое – птица в руке / Имя твое – льдинка на языке»), сохраняет старославянское фонетическое оформление [твоѣѣ], а не принятое современной языковой нормой [твоѣо]. Переакцентуация молитвенной темы в этом произведении связана с перенесением заглавного написания со слова «твое» на слово «Имя», занимающее выделенную позицию в начале стиха. Таким образом, стихотворение о поэте насыщается сакральным молитвенным дискурсом за счет аллюзии на имяславскую традицию восславления Имени.

Ситуация игровой подмены сакрального именования в XIX в. связана с поэтическим освоением античных традиций и молитвословий, обращенных к Музе, Морфею, Сну и т.п. В среде декабристов возникает патриотическая сакрализация Свободы, Провидения и т.д. Примером трансформации религиозной традиции является и стихотворение А. Ахматовой «Молюсь оконному лучу...».

Умолчание сакрального имени в поэтической молитве – эстетический прием особого рода. Если сакральное имя – знак гармонии и совершенства, то отсутствие онтологически значимого элемента в ситуации богообщения – знак дисгармонии. Один из показательных примеров – «Благодарность» М. Лермонтова (1840). Вынесение имени Бога за пределы молитвенной ситуации встречается в молитвенной поэтике Ахматовой. Сакральное имя существует как подразумеваемое, но оно не вербализуется в ее стихотворениях: «Июль 1914», «Молитва» 1915 г. С подобным явлением мы имеем дело и в стихотворении «Я так молилась: “Утоли...”, где обращение к Господу появляется уже в исповедальном фрагменте монолога, в начале второй строфы, а акцент сделан на просительную природу сакрального слова, в котором определено земное предназначение поэта.

Сопоставление имяславских тенденций XIX в. с русской молитвенной лирикой первых десятилетий XX в. позволяет выдвинуть гипотезу о том, что последняя переходит от стадии имявоплощения к стадии имяосмысления, что созвучно философским спорам об Имени в начале XX в.